

Спелая мушмула во рту Тан Буфаня мигот потеряла свой сладкий вкус. Ему отчаянно захотелось развернуться и уйти, но столкнуться нос к носу с самим главой государства, в чьём доме он гостил уже два месяца, и даже не поздороваться... Это было бы верхом неприличия.

Рядом с Го Вэнем стоял слуга; они вдвоем заваривали чай в тенистой беседке. Немного помешкав, Тан Буфань подхватил две сочные грозди мушмулы и вместе с Вань Имином направился к главе государства.

— Приветствую, господин президент, — Тан Буфань вежливо улыбнулся. — Не хотите мушмулы?

— Только с пробежки? — Го Вэнь жестом пригласил его присесть.

Седина уже тронула виски мужчины, но возраст не делал его дряхлым. Напротив, в его облике сквозила та зрелая уверенность, которую даруют лишь прожитые годы и бремя власти.

Тан Буфань опустился на каменную скамью напротив и молча наблюдал, как хозяин дома точными, отточенными движениями заваривает чай.

— Да, решил немного размяться, — ответил Тан Буфань, выкладывая плоды на каменный стол.

Кипяток пролился на чайную фигурку из темной исинской глины. Под струей горячей воды глиняная черепаха-северный страж мгновенно изменила цвет, заблестев влажным, почти полупрозрачным глянцем.

В воздухе разлился густой умиротворяющий аромат, приятно щекочущий ноздри.

Они молчали. Тан Буфань помнил, как во время их первого совместного обеда взгляд Го Вэня заставил его поёжиться — в нём сквозило то же самое хищное выражение, что и у дяди Волка. С тех пор Тан Буфань непроизвольно держался настороже. Однако за прошедшие два месяца хозяин усадьбы ни разу не позволил себе лишнего. Более того, он надёжно скрыл тайну о том, что его гость — выходец из далекого прошлого, живший тысячу лет назад. Тан Буфань невольно задумался: не слишком ли предвзято он относится к этому человеку?

Похоже, обжёгшись на молоке, он теперь дул на воду.

Тан Буфань едва заметно усмехнулся собственной мнительности и принял из рук собеседника крошечную пиалу.

Пиала была деревянной. Тёмно-коричневая древесина на свету отливала мягким золотом. Тан Буфаню сразу показался знакомым этот глубокий оттенок, но стоило поднести чашу к губам и вдохнуть аромат, как он резко переменялся в лице.

Этот запах...

Дерево, из которого выточили пиалу, было в точности таким же, как и у шпильки, удерживающей его собственные волосы.

В памяти мгновенно ожил недавний разговор с Пэй Чжишу:

— Киам, — неторопливо произнёс тогда министр. — Сладковатый аромат, текстура с золотистыми прожилками, мерцающими на свету... Это самый дорогой сорт агарового дерева. Вам очень идёт эта шпилька, госпожа Тан.

— Она дорогая?

— Дорого стоит само дерево, но это не антиквариат.

Взгляд Пэй Чжишу в тот момент показался Тан Буфаню странно многозначительным.

Сделав лишь крошечный глоток, он поспешно поставил пиалу на стол. Кожу головы там, где шпилька касалась волос, внезапно обожгло неприятным, зудящим чувством.

— Какая искусная резьба, — Тан Буфань заставил себя улыбнуться как можно непринужденнее и посмотрел прямо в глаза сидящему напротив мужчине. — Позвольте узнать, господин президент, кто этот чудесный мастер?

Го Вэнь, до этого созерцавший янтарную жидкость в своей пиале, медленно поднял веки. Он молча встретил пристальный взгляд гостя, однако стоявший рядом слуга с гордостью поспешил ответить за господина:

— Наш президент вырезал её сам. Это его давняя страсть. В усадьбе хранится множество вещей, созданных его руками.

Тан Буфань тихо вздохнул. Под недоуменным взглядом слуги он потянулся к затылку и вытащил деревянную заколку. Иссиня-черные шелковистые волосы послушным тяжелым водопадом рассыпались по его плечам и спине.

Положив изящную деревянную шпильку на каменную столешницу, он вежливо подтолкнул её к Го Вэню.

— Возвращаю истинному владельцу.

Только теперь слуга разглядел золотисто-коричневую текстуру дерева. В его глазах отразился

испуг; осознав, чьих рук это творение и как оно попало к гостю, он побледнел и в панике покосился на господина.

Го Вэнь смотрел на шпильку, его темные глаза оставались абсолютно непроницаемыми.

Тан Буфань лихорадочно сопоставлял факты. Дорогие перья для письма, расписные веера, роскошные наряды, которые день за днем доставляли в его покои... Похоже, Пэй Чжишу не имел к этому никакого отношения.

"А я-то, наивный, гадал, с чего вдруг министр иностранных дел вспылал ко мне такой щедростью" — с досадой подумал Тан Буфань.

Эта мысль отзывалась в груди горьким уколом.

— Знаешь, я всегда завидовал Хансу, — наконец неторопливо произнёс Го Вэнь. Он не стал забирать шпильку со стола, и его голос зазвучал неожиданно глухо и доверительно. — Он умел стоять на своём. Когда он сбежал в Восточную Федерацию, спасаясь от навязанного брака, я искренне не понимал его поступка. Для людей нашего круга такое понятие, как любовь, — абсолютная бессмыслица. Но Ханс всё же нашёл свою Анну. И пусть даже этот союз в итоге принёс ему немало страданий, он был счастлив.

— Ханс как-то сказал мне: «Если в один прекрасный день ты встретишь того самого человека, но у тебя уже будут жена и дети, твоё сердце разорвётся от сожаления». — Го Вэнь поднял на Тан Буфаня тяжелый, полный невысказанной тоски взор. — И лишь сегодня, тридцать лет спустя, я наконец осознал, о чём он говорил.

Слуга и стоявший поодаль Вань Имин синхронно опустили головы, стараясь даже не дышать. Откровенное признание из уст правителя прозвучало слишком однозначно. Лицо Тан Буфаня сделалось каменным; незваные откровения пожилого мужчины вызывали у него лишь глухое раздражение и неловкость.

— Тебе не нужно меня бояться, — ровным тоном продолжил Го Вэнь, вновь пригубив чай. — Всю свою жизнь я питал слабость к редким, старинным вещам, оваянным истинной красотой. Свитки, древний фарфор, драгоценные камни... Я умею ценить их по достоинству, беречь от чужих рук и находить для них подобающее место.

Он был стар, обременён наследниками и внуками. И сейчас, на закате дней, он мог лишь горько сокрушаться, что этот удивительный гость из прошлого повстречался ему так поздно. Будь он на пару десятков лет моложе — он ни за что не уступил бы его Лу И.

Тан Буфань молчал. Выслушивать подобные признания от мужчины, который годился ему в отцы, было невыносимо странно. Волна прежнего отторжения вновь подступила к горлу. Глубоко вздохнув, он поднялся со скамьи, намереваясь как можно скорее забрать Вань Имина и вернуться к себе.

Но стоило ему подняться, как тишину парка разорвал оглушительный, истощный вой сирены воздушной тревоги.

Тан Буфань вздрогнул и испуганно заозирался. Вань Имин среагировал мгновенно: сделав широкий шаг вперёд, он заслонил собой юношу, готовый принять любой удар.

Го Вэнь даже не шелохнулся. Нахмурившись, он опустил пиалу, и его прищуренные, изрезанные глубокими морщинами глаза хищно уставились в небо. В следующее мгновение он резким взмахом руки запустил пиалу вверх.

Бросок был сокрушительной силы. Крошечная деревянная чаша со свистом рассекла воздух и с глухим металлическим стуком врезалась в скрытый листвою объект. Ветви качнулись, и на землю, кувyrкаясь, рухнул сбитый беспилотник.

Чувства Тан Буфania уступали звериному чутью хозяина усадьбы, но он среагировал без промедления. Мрачно стиснув зубы, он выхватил из-за пояса пистолет и уже собирался нырнуть под защиту каменной балюстрады, как вдруг крепкие руки Го Вэня сгребли его в охапку. Мужчина прижал его к груди и стремительно выскочил из беседки.

Тан Буфань дернулся, пытаясь высвободиться, но в этот момент над ухом раздался короткий, полный боли стон Го Вэня. Одновременно воздух вокруг заполнил зловещий нарастающий гул, похожий на жужжание растревоженного осиногo роя.

Сотни, если не тысячи дронов чёрной тучей хлынули из-за облаков. Они наводнили сад, открыв шквальный, беспорядочный огонь по зверолюдям в саду.

Один из лазерных зарядов зацепил спину Го Вэня, но тот даже не замедлил бег. Прикрывая собой Тан Буфania, он пригнулся почти к самой земле. Его звероподобное, огрубевшее тело превратилось в подобие монолитного щита, надёжно укрывавшего юношу от смертоносного ливня.

Поняв, что сопротивление бессмысленно, Тан Буфань затих. Изловчившись, он просунул руку сквозь захват Го Вэня и принялся отстреливаться от нападающих беспилотников. Пистолет в его ладони залаял, выплевывая свинец; один за другим несколько дронов сорвались в пике, оставляя за собой шлейфы дыма.

Запах свежей крови становился всё сильнее. Каким бы быстрым и маневренным ни был Го Вэнь, уклониться от сотен направленных на него орудий было невозможно. Лазерные заряды слепили глаза, раскаленным дождем вбиваясь в его тело.

Горячие брызги обожгли лицо Тан Буфania. Сердце бешено колотилось где-то в горле, ветер нещадно хлестал по щекам. Извернувшись в тисках чужого тела, он продолжал лихорадочно выцеливать кружащие вокруг аппараты.

Путь от беседки до ближайшего жилого флигеля занял от силы минуту, но за это мгновение Го Вэнь принял на себя десятки ударов. Его спина была страшно обожжена и изранена. С трудом добежав до дверей, он бесцеремонно втолкнул Тан Буфаня внутрь здания и, даже не переведя дыхание, развернулся навстречу преследователям.

Дверь с грохотом захлопнулась, отрезав Тан Буфаня от внешнего мира так быстро, что он даже не успел крикнуть имя своего защитника. Снаружи разразилась настоящая канонада: треск выстрелов смешивался со взрывами падающих машин. Стиснув зубы, Тан Буфань плашмя повалился на пол и перекатился под защиту подоконника — прямо над его головой с шипением пронеслось несколько смертоносных лучей, выжигая обои на противоположной стене.

Постепенно злое жужжание снаружи стало отдаляться: похоже, основная часть роя устремилась вслед за уводящим их Го Вэнем. Тан Буфань осторожно приподнял голову и выглянул в окно. В этот момент один из подбитых беспилотников, объятый пламенем, с размаху врезался во внешнюю стену здания прямо над его головой и разлетелся на куски раскаленного пластика и железа.

Сжав волю в кулак, Тан Буфань сместился к простенку у окна и, используя его как надежное укрытие, принялся методично отстреливать оставшиеся снаружи цели.

Сражаться с юркими механизмами оказалось куда сложнее, чем с неуклюжими крылатыми токсичными людьми. Маленькие, скоростные и маневренные, они неохотно сдавались даже после прямых попаданий. Но когда Тан Буфань сбил уже с десятков машин, уцелевшие жестянки наконец определили источник угрозы и перенацелили свои орудия на его окно.

Целый каскад ослепительных лазерных вспышек обрушился на стену. Крошево кирпича, щепки и серая цементная пыль полетели во все стороны, забивая легкие. Спасаясь бегством, Тан Буфань скользнул вдоль перегородки и ворвался в ванную комнату. Прижавшись спиной к косяку, он навалился на тяжелую деревянную дверь и с силой захлопнул её, сминая и намертво зажимая в щели один из прорвавшихся следом аппаратов.

Ежедневные изнурительные пробежки последних недель принесли свои плоды: тело двигалось быстро и послушно. Замедли он шаг хоть на долю секунды — и пиши пропало.

Щеку немилосердно жгло. Тан Буфань мельком глянул на себя в мутное зеркало над раковиной: по правому виску и скуле тянулась тонкая алая царапина от осколка стекла. К счастью, неопасная.

Снаружи разъяренно завывали моторы. Очередная лазерная очередь принялась планомерно прожигать и крошить дверное полотно — преграда не простояла бы и минуты. Тан Буфань перемахнул через бортик массивной чугунной ванны и притаился на дне. Стоило дереву с треском разлететься в щепки, как он вскинул руку и открыл яростный огонь по пролому.

Любой, кому доводилось держать в руках оружие в замкнутом пространстве, знал: угол тесной комнаты — идеальная огневая позиция. Противнику, врывающемуся внутрь, требуется

драгоценная секунда, чтобы сориентироваться и развернуть ствол, в то время как защищающийся уже держит проход на прицеле.

К тому же оружию Тан Буфаня не требовалась перезарядка. Он в очередной раз мысленно возблагодарил Пэй Чжишу за этот щедрый подарок — ядерный пистолет позволял вести непрерывный, шквальный огонь без опасения остаться с пустым магазином.

Но силы были слишком неравны. Когда у порога ванной выросла полуметровая гора из дымящихся обломков, один из уцелевших дронов всё же успел выпустить заряд, угодивший Тан Буфаню прямо в ладонь. Острая вспышка боли обожгла пальцы. Он стиснул зубы, но пальцы безвольно разжались, и ядерный пистолет со стуком выскользнул из рук на дно ванны.

Конец.

Разум Тан Буфаня мгновенно опустел. Глядя на сходящиеся на его лбу красные точки лазерных прицелов, он в этот бесконечно долгий, застывший миг вспомнил о Лу И.

Боль в обожжённой руке отступила перед единственной, отчаянной мыслью: «Что станет с Лу И, если меня не будет?»

Его дорогой, ранимый Лу И... Бедный мальчик наверняка разрыдается от горя. Тан Буфань больше всего на свете не хотел видеть его слёз. Он хотел жить. Хотел быть рядом, вместе подставлять лица прохладному ветру, созерцать бескрайнее звездное небо, делить тепло домашнего очага и засыпать, укрывшись одним мягким одеялом.

Роза под стеклянным куполом, тихонько покачивающийся бумажный свиток на ветровом колокольчике, влажный от капель дождя букет синих цветов... Все эти бережно хранимые осколки их общего прошлого пронесли перед внутренним взором, уступив место главному — нежной, обезоруживающей улыбке на невероятно красивом лице Лу И.

Тан Буфань беспомощно сидел на дне ванны. Кровь из его раненой ладони тонкой струйкой стекала по белоснежной эмали, медленно уходя в сливное отверстие. По его щеке покатилась одинокая слеза.

"Я не хочу умирать..."

Словно услышав этот безмолвный отчаянный крик, машины замерли. Безжалостные механизмы не открыли огонь — они лишь держали его на прицеле, сокрушая пространство вокруг сеткой алых лазерных лучей.

Один из беспилотников плавно подлетел ближе. В круглом объективе его крошечной камеры отразилось бледное, искажённое страхом лицо юноши.

Из динамика раздался сухой механический голос:

— Твоё сердце... всё ещё принадлежит человечеству?

Тан Буфань моргнул, сиюсь совладать с уходящим ужасом неизбежного конца. Сглотнув застрявший в пересохшем горле ком, он твердо произнёс:

— Да. Конечно.

Дроны на мгновение зависли в воздухе, словно обрабатывая полученные данные и сверяя их с какими-то скрытыми протоколами. Затем, слаженно развернувшись, они бесшумно покинули разгромленную ванную.

Монотонный гул двигателей постепенно растворился в отдалении. Тан Буфань обессиленно прислонился спиной к холодному борту ванны. Шок начал проходить, и обожжённую ладонь пронзила острая, пульсирующая боль. Он криво усмехнулся и наконец позволил себе выдохнуть, едва веря в то, что остался жив.

А за выбитым окном вновь зашелестел тихий, прохладный дождь.

<http://bllate.org/book/19039/2003744>